

Кирилл КУРБАТОВ

Кирилл Курбатов родился в 1991 году в Рязани, где живет и сейчас. Учился в Рязанском радиотехническом университете и Современной гуманитарной академии. Работал инженером, продавцом, менеджером, гидом, курьером. В настоящее время снимает кино (короткометражный фильм «Паша» – участник «Артдокфеста»-2019) и пишет рассказы. Публиковался в журнале «Урал».

РАССКАЗЫ

Охота оленей

Сказка-ложь

Утро раннее. Воздух прохладный. Лес зеленый. И два оленя притаились в кустах. Папа олень и сын такой же олень. Папа с биноклем, а сын с винтовкой. Разговаривают.

– Сын, – поучает отец, – охота – дело непростое, особенно для нас, оленей. Мы-то к сему занятию уродились совершенно неприспособленные. Траву, например, мы жуем с детства, с ранних лет ее топчем и нужду на нее же справляем. Все это как-то само приходит, от природы. А вот оружие – тут другое. Здесь надо уметь, здесь учиться надобно. А кто тебя научит стрелять, если не отец?

– Никто, па.

– Правильно, сынок, правильно. Это и называется – связь поколений.

Отец копается в широких лосинах и достает две таблетки, показывает сыну на раскрытом копыте.

– Вот таблетки. Красная и синяя. Возьмешь красную – весь мир засияет яркими красками. Возьмешь синюю – взор твой прояснится, будто синее небо. Ну, какую берешь?

– А можно сегодня без таблеток, па?

– Бери, говорю.

Сын выбирает синюю, бросает в рот, глотает, жмурится.

– Фу, горькая какая!

– Ты на горечь не смотри, ты в прицел смотри, – поучает отец и забрасывает в пасть красную. Тоже морщится. – Действительно, горькая, зараза. Ну, с богом.

Отец поднимает бинокль, наблюдает заигравшее красками утро. Сын направляет прояснившийся взор в чащобу, направляет через оптический прицел, модели пусть и неизвестной, дикой какой-то модели, но вполне рабочей.

– Итак, сынок. Видишь дерево?

– Па, тут повсюду деревья, это же лес.

– Нет! Дерево. Оно одно такое. Ищи.

– А, вижу, вижу...

Натурально, дерево такое одно, и других таких нет во всем лесу. Высокое, сухое и тонкое. Листья кустятся на самой макушке, вихрятся, как афро у Ричарда Прайора. Стоит дерево, опершись на обычное (лесное) дерево, и заворачивает курительную смесь в бумагу. Суховатыми пальцами крутит, облизывает сочной слюной, склеивает. Затягивается дерево, затягивается разом – хорошо! Выпускает дым, выпускает разом – тоже хорошо! Дым стелется по опушке, словно туман, укрывает одеялом траву (поеденную, истоптанную, загаженную). Умиротворилось дерево.

– Хочешь, чтобы я его пристрелил? – спрашивает сын.

– Na-a-ah, it's too high¹, – отвечает отец. – Левее смотри. See the Rock?²

– Вижу.

– Нет, не камень! The Rock.

– А, кажется, это он.

Натурально, лежит во мху кусок скалы, то есть камень, он же the Rock. Какие у камня того изгибы, какие черты, какие выступы, что неумолимо напоминают Скалу. Как море вырезало из Италии сапог, как астероиды запятнали Луну, так и Дуэйн Скала Джонсон обратился в камень. Лежит каменная голова его на траве, припекает солнце лысину, а вокруг зигзагами муха кружится. Жужжит, порхает, никак не может выбрать место для посадки. И вдруг хватъ – пускает Скала свой длинный язык, и нет мухи, проглотил он ее. Закрывает глаза с полным дзэном, будто нашел предназначение свое. Нет более нужды продавать наушники, нет нужды рекламировать яблоки. Умиротворился Скала.

– Стрелять в него? – спрашивает сын.

– Na-a-ah. He's too bald³, – отвечает отец. – Выше смотри. Видишь ферму?

– Выше... Так, вижу, вижу, па.

Натурально, ферма на опушке леса. Обнесена плетеной изгородью, ухожена, золотиста, а посреди фермы той – изба на сваях, а из избы той льется еле уловимая мелодия. Только мотив ее понять невозможно, никак его невозможно идентифицировать, будто это собрание всех народных мотивов в одном суровом напеве.

– Слышишь?

– Слышу.

– Бери дверь на прицел и жди.

Сидят олени в кустах и ждут. Отец через бинокль ждет, а сын через прицел выжидает. И вот дверь скрипит, открывается медленно-медленно, будто на похоронах, и является на пороге дровосек. Бородатый, суровый, в штанах и соломенной шляпе. Тянет исконно народный мотив. А птички-синички на оградке сидят, ему подпевают.

– Вот и он, человек, – поучает отец, – ессе homo. Самая хитрая тварь. На вид тупая и бородатая, но по сути беспощадная и живучая. Эта тварь нас всех переживет и истребит. Мы, конечно, такого не хотим, и допустить не можем. Потому мы здесь, сынок, потому я учу тебя охотиться не на деревья и камни, а на человека.

– Стрелять?

– Нет, пока рано. Наблюдай, но с прицела не спускай.

– Так точно, па.

Умолкает дровосек. Почесывает топором бороду, оглядывается: хорошо на опушке. Но довольно отдыхать, пора и за работу браться, пора дерево сечь. Спускается по ступеням, медленно, но легко: легко ему на душе, легко без причины и надобности. Идет дровосек по лужайке да подходит к поленнице, а рядом – гора пней нерубленых. Вытаскивает дровосек пень, примеривается, замахивается топором – ух! Но в последний момент передумывает, откладывает топор, а сам идет к зарослям: справить нужду перед работой (то благо, необходимость и святое дело).

– Так, сынок, теперь можно.

– Стрелять, па?

– Целься в темечко. Это самое уязвимое у людей место.

– А что такое темечко, па?

– В голову, сынок, в голову. Как будешь готов – стреляй.

Замирает природа-мать. Сверчки-паучки перестают сверчать, птички-синички замолкают, утихает исконно народный мотив. Эфирным воздух становится, вязким,

¹ High (англ.) – 1) высокий, 2) укуранный.

² Rock (англ.) – скала, камень.

³ Bald (англ.) – 1) лысый, 2) простой, прямой, неприкрашенный.

кефирным. Только сердце у оленя стучит – тук-тук, и струя у дровосека журчит – жур-жур.

Сын задерживает дыхание, целится, чтобы наверняка. Целится прямо в соломенную шляпу, за которой темечко скрыто. Взгляд сфокусирован, все вокруг будто в водовороте, а шляпа пульсирует, словно намекает: стреляй, стреляй, стреляй.

Сын (олень) стреляет: бах!

Разносится эхо по лесу, порхают птички, колосится трава, бежит по опушке кабан. А дровосек стоит, не колышется. Жив-целехонек. Оборачивается и шляпу снимает. Гладит голову, ощупывает – нет ли и в голове дыры? Нет, цела голова-головушка. Но все равно недоволен дровосек, в шляпе дыра теперь, да знатная. Испортила пуля шляпу, испортила на совесть, большая получилась дыра, такую не зашить да соломой не переложить. Выкидывать теперь шляпу. Лысина сверкает на солнце. Поднимает дровосек затуманившиеся глаза, откашливается и гнусавит:

– Ублюдки, мать вашу, идите сюда, говно олень, решили в меня стрелять? Олени вонючие, мать вашу, а? А ну идите сюда, попробуйте меня пристрелить, я вас сам пристрелю, онанисты чертовы, будь вы прокляты, идиоты, стрелять вас и вашу животную семью, звери вонючие, идите сюда, мерзавцы, негодяи, гады, идите сюда, вы – грязные животные!

И идет обратно, в сторону избы. А отец кричит в ухо сыну:

– Стреляй в него, стреляй, стреляй!

Сын слушается, стреляет (не перечить же отцу). Летят пули, летят одна за другой, зарываются в землю, сверлят бревна, пронзают туманный воздух, но идет дровосек спокойно, нерушимо и ругает оленей. Скрывается в избе, а сын спрашивает:

– Па, а что плохого в том, чтобы быть животным?

– А ты что, не видишь?! – отец в бешенстве вырывает винтовку. – Да то плохо, что мы ни черта стрелять не умеем и не научимся никогда! Они нас всех истребят к чертовой бабушке!

Отец брызжет слюной, ломает пополам винтовку. Страшен олений гнев. Но еще страшнее человеческий. Выходит дровосек из избы, да не с топором, а с ружьем, модели пусть и неизвестной, но весьма устрашающей.

– Ну, сейчас я вам покажу, где олени зимуют! – ревет дровосек и стреляет от бедра. Пуля быстро летит, стремительно, метко. Попадает в рога отцу, отламывает кусочек.

– Вот о чем я говорю! – вопит отец, хватаясь за голову. – Всех перебьют! Но есть и плюсы, сынок, есть и плюсы. Ведь одно мы умеем делать хорошо. Одно мы точно умеем.

– Что, па? – плачет сын.

– Бегать. Бегать еще умеем. А теперь – копыта в копыта и валим отсюда, пока нам рога не отшибли!

Олени, копыта в копыта, сын за отцом, прыгают в чащобу и с треском ломаются сквозь заросли. Пули летят за ними, пули.

– Эй! – выкрикивает след дровосек и от легкой души смеется. – Знаете, где олени зимуют? У меня в морозилке!

Никак не умиротворится дровосек, нет ему на Земле умиротворения, да и нигде нет, ведь он – человек.

Смерть председателя

Окраина провинциального города Р.

Лет через двадцать здесь появится завод по переработке черного золота в рубли; обрстет общежитиями, окрутится дорогами, запахнет сероводородом, а пока на его месте колосится поле, когда-то крестьянское, но теперь народное, советское даже поле. Пшеницей, овсом, рожью и иными травами засеивали эту землю, да и сейчас она чем-то

засеяна, но непонятно чем, ведь товарищ, который вдоль посевов идет с косой, должен, кажется, хоть какое-то представление иметь о зерновых, однако совсем в вопросах агрикультур несведущ, настолько несведущ, будто и не от мира сего. Товарищ этот высок, худ, лицо его вытянутое, белое, глаза безбровые, черные, рот узкий, губ не видно. Мантия на нем цвета темного-темного, какой бывает ночь в глубокую осень: что ни всматривайся, все равно лужи не миновать. Укрывает с головы до пят: лишь силуэт виден.

День стоит ясный, солнце палит жарко, всякая тварь живая попряталась по кустам да по норам, но холодом веет от товарища с косой, словно из открытого рефрижератора. На случайного наблюдателя произвел бы он впечатление гнетущее, беспокойно стало бы на душе, тягостно, захотелось бы махнуть стаканчик-другой без закуски. К счастью такого наблюдателя, неоткуда ему взяться в советском поле, редкий он там гость, никто его не приглашает и не ждет. А вот товарища в мантии будто ждут, ибо идет он быстро, с определенной целью, той, что видна за посевами, где возвышается посреди поля одноэтажное здание, где под крышей, прикрывая облезлую стену, натянут алый транспарант: «Совхоз имени Ильича».

Рядом с совхозом покоится сельскохозяйственная техника в неприглядном, но еще рабочем состоянии, а на ее фоне, как Аполлон среди овец, сверкает черный «москвич». Загорелый молодой парень в тельняшке пытается завести один из проеденных ржавчиной тракторов, а потому не замечает движения позади, но чувствует освежающий порыв ветра и мысленно благодарит за это партию.

Внутри здания, между входом и дверью с табличкой «Председатель», сидит за покосившимся столом Зоя Филипповна, помощница, заместитель и секретарь в одном лице, которое она в это самое время и пудрит. Вдруг (неожиданно, как это бывает) врывается с улицы ветер: пушит волосы, разносит облаком пудру, вздувает юбку, обжигает ляжки. Вслед появляется товарищ в черной мантии, который сразу же по красной ковровой дорожке (со следами навоза) берет курс на кабинет председателя.

Зоя Филипповна вскакивает:

– Товарищ! Туда нельзя!

Товарищ игнорирует ее абсолютно, плевать ему совершенно на ее слова, а растрепанная Зоя Филипповна с одной лишь накрашенной щекой обегает его и своей маленькой фигуркой заслоняет кабинет (нерушимой стеной). Леденящий незнакомец производит на нее никакое впечатление. Именно! Недовольные, угрожающие, незваные гости частенько наведываются в совхоз имени Ильича, заходят сюда типажи не самые радостные и с не самыми благими намерениями, все просят да выпрашивают, а потому Зоя Филипповна распознает таких типов на радость легко. Устрашающим видом ее не проймешь.

– Вы по какому вопросу? Вам что нужно? Вы зачем сюда?

Товарищ молчит. В тишине и покое проходит секунда или три. Затем полуподведенные глаза Зои Филипповны увеличиваются, исключительно от любопытства.

– Ох, – вскидывает она руки, – батюшки, а это не ваше письмо там?

– Да, мое.

– Товарищ Пагубин, кажется?

– Смертин.

– Верно, верно, Смертин! – суется секретарь.

– Зочка, что там такое? – голос из кабинета.

– Вилич Ильич, к вам товарищ Смертин.

– Смертин?! Не может быть! – грохот за дверью, что-то падает. – Ну, пускай, пускай его скорее.

– Пускать? – прищурившись, Зочка оглядывает гостя. – Он какой-то смурной, как бы дел не натворил.

– Пускай, я уж с ним разберусь.

Зоя Филипповна, опомнившись, поправляет сбившиеся волосы и юбку, затем бросает подозрительный взгляд на застывшего перед ней гостя, ежится, потирая плечи:

– Ну и холод. Вы не из Сибири, случаем?

Товарищ качает головой и намеревается обойти Зочку. Та же ловко выхватывает у него косу:

– С инструментом не положено, – открывает дверь. – Ну, что стоите? Проходите уж, коли Вилич Ильич велит.

Смертин проходит, за ним сквозняком захлопывается дверь.

Кабинет выглядит весьма свежо, а относительно общего состояния совхоза – почти на пять звезд, разве бассейна недостает: мраморный пол, сводчатый потолок, золотые канделябры, стол из красного дерева, великолепное высокое кресло прошлого века, обитое кожей кого-то экзотического, даже редкого или вымершего. На стенах развешаны портреты вождей в хронологическом порядке, диагонально, от старшего к младшему. Сам Вилич Ильич тоже выглядит вполне здорово. Качественные пиджак, туфли и часы наброшены на округлую такую, но невысокую форму, где одна часть тела незаметно перетекает в другую. Словно колобок, что катится по жизни, как кот по маслу. На столе – банка с красной икрой. Председатель поспешно убирает банку под стол, смахивает со стола крошки.

– Проходите, товарищ, присаживайтесь, – Вилич Ильич, не вставая с кресла, показывает на компактный стул, сбитый, по виду, подмастерьем неумелого плотника специально для гномов. – Чем обязан? – улыбается, но не очень широко, а так, формально.

Товарищ (уже без косы) степенно садится на предложенный стул, мантия его неслышно колышется, слово соткана из вземной материи. Садится, но все равно оказывается почти на голову выше председателя. Тот такому положению видимо не рад, а товарищ хриплым, немного простуженным голосом, будто простуда его на исходе, но никак не пройдет уже долгое время, произносит слова и смотрит на председателя черными глазами из бездонных глазниц, смотрит пронзительно, жутко немного. На председателя, которому от того ни холодно ни жарко, который языком пытается удалить остатки икры между зубов.

– Разрешите представиться. Господин Смертин.

– Отчего ж господин? – хмурится председатель. – Товарищ! Все господа либо за границей, либо сами знаете где, – он многозначительно обращается к окну. Смертин следует за его взглядом, но ничего там не находит, кроме желтого поля и голубого неба.

– Товарищ? – вопрошает гость.

– Полноте! – отмахивается председатель. – Будто не понимаете. Основная-то масса наших господ давно стала товарищами. И какая странная штука: теперь пока за один стол с ними не сядешь – не поймешь, кто есть кто. Как же, спросите, определить? – Ильич прищуривается.

– Как же? Спрошу, – говорит Смертин.

– Да очень просто. За бокалом да за рюмочкой, за настоечкой да за водочкой. Тут-то все бывшие товарищи себя и проявляют с самой господской стороны. Как говорится, что у умного в голове, то у пьяного на языке. Ума-то стать товарищами хватило, а вот подшофе себя вести соответствующе, тут не ум, а голову иметь нужно!

Ильич берет со стола какой-то документ и продолжает:

– Голова у вас есть, товарищ Смертин, по крайней мере, в физическом плане, хе-хе, а вот что внутри нее – большой вопрос. Не пойму, в трезвом ли уме вы это писали? Что это такое? Записки из сумасшедшего дома? – Ильич потрясает документом.

– Из мертвого, – кланяется Смертин.

Председатель качает головой:

– Не иначе, – читает. – Вот вы пишете: гос-по-дин Смертин. И не просто пишете, но и сейчас продолжаете настаивать на своем господском, так сказать,

привилегированном происхождении. А рекреационное мышление – прямой путь к контрреволюции.

– К чему, простите?

– Именно! – восклицает председатель. – Такие идеи сами знаете куда приводят... Мы вот вчера с Зоечкой, с Зоей Филипповной то есть, головы ломали. Изволили нам загадки загадывать. Прямо шарады. Ребус! Приходит нам утром письмо, с вензелями, печатями и подписью, чуть ли не кровью. Сроду таких писем не видывали. Мы уже боялись вскрывать, но потом подумали: письмо-то адресовано нам, так кому вскрывать, если не нам же? Вот и собрались, открыли аккуратно, но в присутствии третьего лица. Сашку-тракториста от его будней пришлось оторвать, от законного обеда, между прочим, чтобы лично засвидетельствовал. Открываем мы, значит, ваше письмецо, а в нем это – резюме-е-е. Вот!

Председатель демонстрирует вскрытый конверт, действительно, с вензелями, подписью и печатью, а вместе с ним и само резюме, которым он все это время дирижировал:

– Сколько лет живу, а никаких резюме никогда не видывал. Что это за слово такое, а? Резюме? Это вы где таких слов набрались, не из-за границы ли?

– Из потустороннего мира, – отвечает Смертин.

– А! Вот и угадал. Из-за границы пожаловали. Я-то думаю, прямо по-французски звучит. Резюме-е-е. Прямоком из Парижа к нам? На историческую родину решили посмотреть? А наряд у вас – это по тамошней моде? Ишь, и лицо в белилах. Ну, точно, мода. Привет парижской коммуне, – Ильич подмигивает, затем перегибается через стол, насколько позволяет комплекция, и полушепотом спрашивает, оглядываясь на дверь:

– А вот скажите, товарищ, парижанки, они в этом смысле какие? Слышал, такое выделывают, что нашей бабе и не снится. Верно говорят или нет?

– Парижанки? – Смертин отстраняется. – Как все. Смертны.

– Ах, – председатель растекается по креслу. – Значит, как все. Так я и думал. Все одно: что парижанки, что китайки, что наши. Впрочем, вернемся, к вашему резюме. Одного я не понимаю. Зачем вы решили изложить все в письменном виде, все равно же сами сюда явились, персонально?

– Так положено. Для проформы, по-вашему.

– Что ж, похвально. Последовательность мы любим. Сам, – он поднимает взгляд на портреты вождей, – был последователен, что бы мы делали без его последовательности, где бы мы были сейчас, его последователи... Здесь вам, конечно, честь и хвала.

Смертин чуть склоняется в знак благодарности. Или председателю кажется?

– Однако ж это не отменяет того, что резюме ваше – полная катавасия. Кто в здравом уме будет такое про себя писать? Мало, что написано оно какой-то вязью, сперва даже и непонятно, русский ли это язык. Но ведь самое главное – не как, а что вы тут пишете! Это же кошмар, кошмар! Мы тут с Зоеч... с Зоей Филипповной сначала думали, что-то важное нам прислали. А как не подумать, с такой-то помпезностью? Но как увидели, что внутри, – просто ужас, розыгрыш, фик-ци-я!

– Как вам будет угодно.

– Мне будет угодно, видите ли! – восклицает Ильич. – Сижу и слышу – кто? Товарищ Смертин, собственной персоной, лично. Не шутки же ради пришли? – Смертин сидит неподвижно. – Нет? Однако творчество ваше всерьез никак нельзя воспринимать. Все у вас как-то нелепо, как-то не по-людски. Вот, к примеру, пишете возраст: испокон веков был, есмь и буду. Это мне угадывать надо, сколько вам лет, это что за каламбур, простите? Понимаю, про возраст не хотите, но так и не надо начинать такую графу. А то сначала написали «возраст», а потом так в узел заворачиваете, что и не распутать. Испокон веков был, есмь и буду. Что это вообще значит? Молитва какая? Знаете же прекрасно, религия – опиум.

– Кому опиум, кому коноплю, а кому просто табаку. Зависит от того, кто принимает, господин председатель.

– Товарищ, товарищ председатель! Просто невыносимо...

– Мы с вами на брудершафт не пили.

– Это в вашей великосветской Франции буржуазные обряды еще в ходу, у нас тут общество прогрессивное, и человек человеку – друг и товарищ по рождению.

– Это вы прекрасно сказали.

– Да? – председатель задумчиво смотрит на собеседника, затем переключается на резюме. – Профессия: проводник. Снова туман нагоняете. Что за проводник? В поезде, самолете или где?

– Усопших, – кашляет Смертин.

– А, усопших. Так бы сразу и написали: поп. Так бы сразу было понятно. То-то я смотрю, наряд у вас поповский, прямо ряса. Только какого-то заграничного покроя, – Ильич оглядывает Смертина. – Отпеваете, значит, умерших. Похвально, похвально. Однако есть одно интересное обстоятельство, о котором, я полагаю, вам тоже прекрасно известно, если вы человек здоровый, что, впрочем, я ставлю под большое сомнение, – Вилич Ильич делает паузу. – Бога-то нет! – поднимает торжествующе палец. – Вот в чем дело. Поэтому ваша забота о них – что псу под хвост.

– Может, нет, а может, есть. Неведомо это ни вам, ни мне, ни партии.

– Как это неведомо? – вздрагивает председатель и крестится. Сплювывает. – Тьфу ты, совсем попутали меня. Партии все ведомо, все она знает и обо всех заботится. Это наша сила и опора. Посмотрите в окно – красота: бескрайние просторы, поля, рожь колосится, скоро урожай собирать, а все благодаря партии.

– На «москвиче» будете собирать?

– «Москвич» – это личная заслуга. Но вернемся к вашей писанине. Место рождения: Поднебесная. Опять не понимаю. Опять вы со своими эвфемизмами. Если Китай – так и напишите.

– Это мир.

– В поддержку мирового интернационала, значит. Хорошо... Но! До полного господства коммунизма в мировом масштабе заявление это весьма преждевременное. Потому как для нас, советских людей, родина пока одна, – он разводит руки. Снова углубляется в текст. – Образование: образовался с миром. То есть в миру, значит? Опять клерикальная муть. Болото, прямо скажу! Что ни шаг – засасывает все глубже и глубже. И засосало вас, похоже, по самое горло. Пока вы в Париже с французенками забавлялись да песни поминальные пели, мы за это время новую страну построили. Старую снесли напрочь, а на ее месте... Видите поле? Вот там, в середине третьей полосы, раньше церковь стояла. Большая, с золотыми куполами, вся деревня окрестная ходила туда молиться. А потом мы эту церковь с землей сровняли. Вот этими самыми тракторами. Золото – в казну, технику нам отдали, а на месте церкви, видите – поле засеяли. И никто не жалуется. Одним святым духом сыт не будешь. Народу нужно что-то есть.

– У вас под губой икра, господин председатель.

– Это я... – председатель вытирает рот манжетой. – Это подарок, подарок от товарищей, в честь, так сказать, Дня совхоза. Сами, понимаете, оклад небольшой, да и где в наше время достать икры? Только в подарок.

– Подарками едиными живы...

– Вы же пишете, – Ильич продолжает, – желаемый оклад: за вечную жизнь. Тут конечно, в контексте всего упомянутого и вашего личного присутствия, понятно, что вы не просто так к нам пришли, а пришли, так сказать, с идеей. Только за такие идеи, что вы тут излагаете, дорога в наш совхоз вам закрыта. Открыта она только в другие учреждения, исправительного характера. Я бы на вашем месте сдал себя в руки санитарам: там хоть попом можете быть, хоть Наполеоном, будете чувствовать себя как дома. И что вам в Париже не сиделось...

– Вам тоже недолго осталось.

Председатель непонимающе смотрит на Смертина, откладывает резюме. Наклоняется к гостю и тихо спрашивает:

– Я вот только одного не понимаю, товарищ Смертин. Зачем вы сюда пожаловали? В этот вот совхоз. Вам что, медом здесь намазано?

– Икрой, господин председатель. А впрочем, – встает Смертин, – сейчас все прояснится.

Он поворачивается к двери, и та сквозняком распахивается.

– Зоя Филипповна, инструмент.

– С инструментом нельзя, – пищит секретарь с недокрашенной бровью.

– Инструмент? – любопытствует председатель. – Что это вы выдумали на этот раз?

Ну, несите Зоя Филипповна, давай посмотрим.

Та достает косу из угла, заносит и быстро вручает Смертину:

– Что тут смотреть-то? Коса у него.

– А, так вы, значит, косарь! Поп-косарь.

Председатель начинает хохотать. Смех волнами расходится от центра живота по поверхности тела, достигает волос, кончиков пальцев и даже добирается до Зои Филипповны, которая тоже начинает хихикать. Ильич смеется залиvisto, краснеет, как созревший овощ из кубанского совхоза-побратима. Конца не видно его смеху.

– Святой отец, а не скосите ли мои грехи? – он хохочет. – Нет, все-таки глаза, Зой, посмотри, глаза-то у него раско-о-осые. Верно, не из Парижа, а из Китая приехал, не врет, а!

Председатель сползает под стол и катается там, как Ежик Соник, содрогаясь от хохота.

– Я не могу, вот уж появился на потеху. Косарь, значит, а? Ну, косарю косарево, как говорится, ха-ха-ха.

Наконец, председатель перестает смеяться и выкарабкивается из-под стола. Перестает и Зочка. Черная тушь ее, так старательно подведенная, расплзлась по щеке. Председатель смотрит на нее и улыбается, показывает пальцем:

–Зой, у тебя тушь убежала.

Зоя Филипповна трогает лицо, вдруг резко краснеет и убегает, по-видимому, в уборную. А Смертин стоит все это время, опершись на косу, и наблюдает совхозную истерию.

– Товарищ Смертин, извините, но косарем никак не получится, – говорит председатель, вытирая слезы. – Во-первых, рук у нас хватает, а во-вторых, ну кто в наше время косит ручную? Прогресс, как говорится, не стоит на месте. Механизация, сами понимаете.

– Понимаю, – говорит Смертин, задумчиво потирая косу. – Во-первых, господин председатель, механизация ваша близка к утилизации, чего, конечно, не сказать про ваш «москвич». Во-вторых, послание мое и само мое появление обычно достаточно красноречивы, чтобы человек мог сразу увидеть свой дальнейший путь, а вернее, его скорейшее окончание. Вы же выстроили перед собой крепостную стену, вырыли ров, напустили дыма. И обманываете себя, слово за слово, минута за минутой погружаетесь в болото собственных фантазий. Конечно, намеки мои несколько трансцендентные, если позволите так выразиться, да и сам я существо не очень приземленное, а потому могу не поспевать за передовыми идеями, но в общих чертах прекрасно улавливаю направление общественной мысли. Послание мое весьма типично, а сам я и есть архетип, а потому с первого взгляда всегда был и буду понятен как китайцу, так и французу. И тем более вам, носителю революционных идей. Вижу, однако, идеи ваши настолько застлали вам глаза, что кажется, будто мир вращается вокруг совхоза и делится на черное и белое, или, как вы говорите, на товарищей и господ. А ведь между любыми крайностями – пропасть промежуточных состояний! Пропать, в которую вы, между прочим, давно уже падаете,

но вам мерещится, будто вы взлетаете на первой космической скорости, а свет вдали – это не свет в конце тоннеля, а солнце. Будто несет вас в светлое будущее, которое непременно наступит. Но как водится, блестящее, сытное, покрашенное настоящее интересует людей гораздо больше. Если вы еще не поняли, то я здесь затем, чтобы настоящее ваше превратить в прошлое, а лично вас отправить напрямик в место, где никакого будущего нет, потому что и времени там нет. Впрочем, это лишь слухи. Видите, с вами я уже начинаю сомневаться в своей компетенции и в известной мне реальности.

– А вот это правильно, – председатель невозмутим. – Сомнение – первый признак выздоровления.

– Ради выздоровления, господин председатель, взгляните на резюме еще раз.

– Что мне этот бред читать... – председатель бросает взгляд на документ, лицо его вдруг меняется. Он хватается за лист и подносит близко-близко к глазам. Затем переводит взгляд на Смертина. – Что это, снова шутить вздумали? Это-то когда успели подсунуть?

– Господин председатель, вы же сами вчера письмо распечатывали, да при свидетелях. Никто вам ничего не подсовывал. Вы, наверное, его не с той стороны читали, а может, не на том языке?

– Помилуйте, – говорит председатель. – Да на каком же языке...

Речь его обрывается, он быстро начинает читать, как бы про себя, но вслух:

– Curriculum vitae. Жизнеописание Рудольфа Вениаминовича Бакаева... Родился в семье потомственных купцов... вступил в партию... получил должность... оклад... любит хороший алкоголь... имеет любовницу... использует служебное положение... представляется идейным... партийный билет... для личного обогащения...

– Что, что все это значит? Откуда у вас такая информация? – озирается председатель. – Вздумали запугивать меня?! – кричит он вдруг.

– Мне вас запугивать незачем, я здесь по работе. Простая формальность, я же говорю.

– Это все ложь, ложь! – багровеет председатель и начинает кромсать лист на мелкие кусочки.

– Понимаете, это совершенно неважно. Ни происхождение, ни заслуги, ни грехи. Все равны по праву рождения, так вы говорите. Грехи не мне отмерять. По существу, я и не знаю, будет их кто отмерять или нет. Я ведь совсем по-другому поводу.

– Так по какому же?!

– Я вас забрать пришел.

– Забрать? Куда?

– Да вы и сами знаете.

– Нет, не знаю!

– Что-то холодом повеяло, господин председатель.

– Что? Каким холодом?

– Тучи грозовые накрывают любимое вами поле.

– Какие тучи? Что вы говорите?

– Ночь идет.

– Какая ночь? Что вы несете? Ненормальный, совсем ненормальный, я говорю, Зюечка! Ах ты черт... Вы либо ненормальный, либо пьяный.

– Рудольф Вениаминович, ваше время истекает.

– Откуда вам все это известно?! – председатель трясет обрывком резюме.

– Партии все известно, – усмехается Смертин, председатель бледнеет. – Да вы блее смерти. Не пугайтесь. Я не партийный. Вы же резюме читали.

– Получается, что же, вы вне партии? – округляются глаза у председателя.

– Можно сказать и так. Куда мне поручено вас переправить, никакой партии нет. Да и ничего, там, кажется, нет. Впрочем, вам вскоре предстоит узнать.

– Что ж, у меня тоже есть свои покровители, – мрачнеет председатель и поднимает трубку, начинает накручивать номер.

– Вот смотрю на вас, с одного бока – вроде умный, а как другим повернетесь – дурак дураком. У вас телефон не подключен, господин председатель, не ломайте комедию. Пиджачок ваш не из Парижа ли, кстати?

– Зюечка, Зой! – председатель бросает трубку.

– О, о ней можете не беспокоиться, ее время еще придет.

– Я буду жаловаться! – кричит председатель.

– Что ж, начинайте.

На улице вдруг темнеет, набегают тучи, и начинается гроза. Порыв ледяного ветра распахивает окно. Мантия развевается на ветру темным зловещим силуэтом. Председатель (удивительно ловко) вдруг вскакивает на стол, перепрыгивает на подоконник, хватается за створки окна и под оглушительный раскат грома прыгает в колосья. Дождь врывается в комнату, ветер сметает документы и обрывки бумаги со стола, кружит их по кабинету, дождь заливает пол. От раскатов грома звенят хрустальные рюмки и бокалы в серванте.

– Рудольф Вениаминович, от судьбы не уйдете.

Молчание. Молчание. Молчание.

– Я в судьбу не верю, – доносится, наконец, сквозь грохот дождя через пару минут.

– А во что вы верите? – тихо спрашивает Смертин, но слова эти услышал бы любой адресант и на другом конце планеты. Тем более услышал председатель. – Может быть, в партию?

Голова председателя появляется над подоконником, затем Ильич переваливается и сам, с трудом забирается в кабинет, захлопывает окно. С него течет рекой вода. Насупившись, подходит к серванту, достает два стакана, наливает водочки.

Один стакан пододвигает Смертину, другой залпом опрокидывает. Наливает еще. Поднимает стакан, будто перед тостом, говорит:

– Нет, в партию я не верю, у вас же в чертовом резюме написано. Но! Верю, что всегда можно обо всем договорится. И, как видите, – он обводит глазами кабинет, – у меня это неплохо получается, – выпивает. И продолжает:

– Значит так. У меня там машина. Вижу, она вам приглянулась, – он кивает в сторону выхода. – Вот ключи, – кладет ключи на стол. – Вот документы, – открывает дипломат, достает, – «москвич» ваш. Езжайте, пользуйтесь. Я вас не видел. Вы меня не видели.

– Осталось вам жить всего минуту, а вы паясничаете. Все-таки не зря я лично явился. От души смеюсь над вами, – говорит Смертин с белокаменным лицом. – Впрочем, в душу вы тоже не верите, ведь от нее пользы никакой.

– Псих, – шипит председатель и опрокидывает очередной стакан. Затем неожиданно (для себя тоже) с вытянутыми руками бросается через стол на Смертина. Ему удается сомкнуть пальцы на горле гостя, вместе они падают, Ильич придавливает грузным телом костлявого Смертина, коса выпадает у того из рук. Председатель с побагровевшим лицом изо всех своих революционных сил сжимает горло супостата. Глаза Ильича налиты кровью, изо рта течет пена, он шипит, как кобра. У Смертина симптомы аналогичные. Он, задыхаясь, смеется (от души):

– Схватка... со... смертью... господин председатель...

Ильич в приступе ярости усиливает хватку, наконец, глаза Смертина выпучиваются, язык вываливается, тело обмякает. Молнии зловеще разбивают полумрак, а раскат грома сотрясает кабинет, с серванта падает бутылка с вином и разлетается вдребезги. Осколки стучат по полу, резонируя с дождем.

Председатель приходит в себя. Насквозь мокрый от пота и дождя, он пытается отдышаться, лицо его багровое, сердце прыгает, как после эстафеты. Облокотившись на столешницу, он тяжело поднимается. Кабинет плавает перед его туманным взором. Он дрожащими руками нащупывает водочку, наполняет рюмку, пролив оставшиеся полбутылки. Выпивает.

Лицо его багровеет окончательно. Он порывом хватается за грудь. Хрипит:

– Зоя, Зочка, Зо...

Тянется к двери, делает шаг и падает навзничь.

Гром замолкает. Дождь утихает. Тучи расходятся. Зоя Филипповна в полной боевой готовности, то есть с накрашенными губами, бровями, ресницами, щеками и иными принадлежностями, стучится в кабинет.

– Вилич Ильич, тут Сашка хочет пораньше уйти с работы, говорит, трактор починил, но работать невозможно, поле мокрое. Отпустить его?

За дверью тишина. Секретарь ждет некоторое время. Стучится снова.

– Вилич Ильич? – говорит она тише.

Аккуратно открывает дверь и заглядывает в кабинет. На кресле, запрокинув голову, раскинулся Вилич Ильич, дыхание его мерное, свистящее. На столе рядом с ним – пустая бутылка водки, две рюмки и наполовину употребленная банка икры. Распахнутое окно, мокрый пол, разбитая бутылка вина, по всему кабинету разметены бумаги.

Зочка прикрывает дверь. Показывает загорелому Сашке, который ждет в коридоре, большой палец, затем прикладывает указательный к губам – тс-с-с. Сашка улыбается. Зочка (тише воды, ниже травы) заходит в кабинет, приближается на цыпочках к краснодеревянному столу, берет полбанки икры, из серванта достает непечатую бутылку грузинского вина; хихикая и кивая на приобретения, пританцовывает, подбегает к трактористу, вычерпывает горсть икры. Сашка жадно слизывает икру с ее ладони, облизывая каждый пальчик, и едва прожевав, прижимает Зою к себе, впивается в нее соленым поцелуем. Затем подхватывает ее на руки и выносит из совхоза имени Ильича.

А председатель спит как убитый.